

у все, — пробормотала я сквозь стиснутые зубы, — с меня хватит! Видеть больше не могу эту рожу!

Гардеробщик протянул мне пальто, не поведя и бровью. Ну, он на своей должности и не такое небось видел. Ресторан хоть и дорогой, пафосный, но посетители всякие попадают, и до драки, наверное, доходит. А тут, подумаешь — девица с парнем поругалась. Дело житейское.

Скрипя зубами от злости, я всунула руки в рукава. Шарф вывалился на пол, и я наступила на него.

Показалось или нет, что гардеробщик пренебрежительно хмыкнул? Да наплевать мне на него!

Я обожгла дядьку таким взглядом, что он тут же скрылся за стойкой с одеждой — понял, что чаевых не дождетя. А я схватила телефон и вызвала такси. Хорошо, что знала точный адрес, потому что вызвала уже такси от дома сегодня, когда мы собирались ехать в этот ресторан, чтоб он провалился совсем. Хотя не в ресторане дело.

Зазвонил мобильный телефон. Я схватилась за него, как за спасательный круг, взглянула на дисплей.

Это был телефон службы такси, в трубке прозвучал механический голос:

«Через три минуты за вами приедет серый „Рено” номер...»

Слава богу! Больше не было сил здесь оставаться...

Я застегнула пальто, обмоталась шарфом, сунула появившемуся гардеробщику мелкую купюру, хотя и зря, после чего вышла на улицу.

На улице было красиво, в полной тишине театрально падал снег, вспыхивая под фонарем серебристыми искрами, как в сцене дуэли Ленского и Онегина.

Безобразный скандал в ресторане остался позади, как будто его и не было. Как будто я оказалась в театре. В театре одного зрителя. И этот единственный зритель — я.

В довершение сходства по пустынной улице торопливо шел одинокий прохожий, казалось, сейчас он остановится и запоеет: «Куда, куда, куда вы удалились...»

Правда, в отличие от театра, здесь было холодно. Очень холодно. На улице мороз, а я сегодня оделась явно не по сезону. Рома велел явиться в ресторан поприличнее — дескать, не забегаловка какая-нибудь, все там по высшему разряду, никаких джинсов и свитеров. Так что я выбрала платье, хорошо хоть с рукавами, но материал тонкий. Роскошной шубы в пол у меня нету, не заработала, да и зачем она нужна? Есть коротенький полушубочек из искусственного меха. На ногах ботиночки на каблуках, колготки тонкие... Пришлось надеть пальто. Оно длинное, но демисезонное, в такой мороз не греет. И перчаток не взяла — зачем, думаю? На такси туда, на такси домой... вот так вот.

Я подняла воротник пальто, сунула руки в карманы и огляделась.

Три минуты давно прошли, но серого «Рено» не было, как не было никакой другой машины. Одиноким прохожий скрылся за углом, и я осталась одна. Казалось, город вымер. Даже музыки из ресторана не было слышно.

Я снова достала телефон, набрала номер вызова такси.

Механический голос повторил, как и в прошлый раз:

«Через три минуты за вами приедет серый „Рено“ номер...»

Да что они, издеваются?

Я была слишком легко одета для долгого ожидания на морозе. Ну да, я одевалась для вечера в ресторане, а не для зимней прогулки...

Вернуться обратно, в тепло?

Нет, ни за что! Снова увидеть Ромку, его наглуую, самодовольную физиономию... он примет мое возвращение за признание безоговорочной капитуляции!

Снег усилился, теперь он падал так густо, что в нескольких метрах ничего не было видно. Через несколько минут я превращусь в снеговика, точнее — в снежную бабу...

Холод проник под пальто, пробежал по спине ледяными пальцами... зубы застучали... а я-то думала, что это художественный прием, преувеличение! Еще немного — и я просто примерзну к месту, не в силах пошевелиться!

И тут наконец из-за белого занавеса метели, сияя фарами, вынырнула серая машина. Продолжая теа-

тральные ассоциации — как волшебная карета Золушки...

Я бросилась к ней, распахнула дверцу...

— Елена? — спросил водитель.

— Елена, Елена! — Я не люблю свое полное имя, но сейчас готова была согласиться на что угодно.

Я плюхнулась на заднее сиденье, захлопнула дверцу и облегченно вздохнула — в машине было тепло. Хотя и пахло неприятной отдушкой, какой-то парфюмерной сладкой смесью с хвойной нотой, но мне уже было все равно. Все части тела потихоньку оттаивали, ноги как будто покалывало иголками. Ничего, раз чувствую — значит, не отморозила...

Я прикрыла глаза и против воли стала вспоминать прошедший вечер...

«С меня хватит! — прежде всего подумала я. — Вот теперь с меня точно хватит! Лопнуло мое терпение!»

Ну, сами посудите, как такое можно терпеть? Рома совершенно обнаглел, причем если раньше он позволял себе хамство только дома, когда мы были одни, так сказать, не при свидетелях, то сегодня устроил грандиозный скандал при всем честном народе, и главное, с чего? Да просто так, на пустом месте!

Нельзя сказать, что для меня это было полной неожиданностью. Потому что в последнее время Рома стал просто невозможен. И я уже несколько раз подумывала о том, чтобы с ним расстаться. Но все медлила, и тому были причины.

Только не подумайте, что я страстно люблю Рома и боюсь его потерять. Вот уж чего нет — того нет. Впрочем, когда мы с ним познакомились, Рома мне

даже понравился. Такой смешной, лохматый, толстый, как медвежонок Винни Пух.

Одевался он зимой и летом в клетчатые шерстяные рубашки, которые даже новые мигом принимали поношенный вид. Вообще-то Рома — неряха, каких мало, он вечно ест гамбургеры, когда сидит за компьютером, и вытирает жирные пальцы о рубашку. При этом голос у Ромы мягкий, речь правильная, без мата и разных междометий, которые некоторые вставляют всегда не к месту, и смех приятный.

А что вы думаете? То, как смеется человек, очень четко его характеризует. Вот смотришь иногда: вроде бы и всем хорош парень — симпатичный, веселый — а как засмеется — ой, будто лошадь ржет. Некоторые хихикают противно, у некоторых глаза как щелочки становятся...

Так вот, у Ромы ничего этого не было, обычный смех. И еще Рома был не дурак, то есть мог поддерживать разговор, а иногда с ним было даже интересно разговаривать.

Короче, Рома мне понравился. И я ему тоже, потому что он не стал стесняться и сказал мне об этом прямо буквально во вторую нашу встречу. То есть пригласил к себе домой и предложил остаться. Не на одну ночь, а на неопределенно долгий срок.

Я, конечно, удивилась, но не стала сразу отказываться, а решила провести разведку на местности, чтобы понять, в чем тут подвох. Потому что, скажу честно, я — девушка серьезная и неглупая, и не то чтобы некрасивая, но самая обычная. Все у меня на месте, никаких особых недостатков в лице и фигуре не имею, но к своей внешности отношусь не то что-

бы критически, но без лишнего фанатизма. Или пьет, как говорит моя мама.

Она всю жизнь проработала учителем русского языка и литературы, причем в одной и той же школе, отсюда и всевозможные старорежимные словечки и выражения, которые мама упорно вставляет в свою речь.

Она считает, что так можно спасти наш Великий и Могучий язык от умирания. И что нужно сеять разумное, доброе, вечное. И поскольку до восемнадцати лет мы с ней жили вместе, то и у меня изредка проскальзывает такое, что некоторые мои ровесники недоуменно поднимают брови — ты вообще о чем?

Так вот, скажу сразу, что Рома так никогда не делал, он кое в чем разбирался. А возможно, просто меня не слушал...

Но на мое решение поселиться с ним в одной квартире (как мама бы сказала, «соединить с ним свою жизнь, хотя бы на какое-то время») повлияло не это.

У Ромы была своя собственная квартира. Забыла сказать, что я — из провинции. Родилась в далеком городе за Уральскими горами, там и прожила до окончания школы. И хоть город у нас большой, есть в нем и свой университет, но я захотела учиться в Петербурге. Мама была не очень довольна, поначалу меня отговаривала, но потом сказала, что найдет деньги, чтобы присылать мне во время обучения. Училась я на бесплатном отделении, потому что сдала все экзамены на «отлично», говорила уже, что я умная (шучу, конечно). А кроме шуток, сдавала я на математический, а там уж надо в голове кое-что иметь.

О литературе мама со мной и не заговаривала — хватило мне этого Великого и Могучего за все годы жизни с мамой.

Так вот, сначала я жила в общежитии, потом снимали с девчонками квартиру на троих, потом, когда закончили, все разбрелись кто куда. Парни все поголовно пошли в программисты. Девушек было у нас и так немного, кто-то уехал, одна сразу вышла замуж и родила, остальные пошли работать в школу.

Насчет школы я выяснила еще раньше, когда подрабатывала там на третьем курсе: это не мое. И точка. Вопрос не обсуждается. Потому что выносить сборище орущих, визжащих, хамских, скандальных детей больше пяти минут я не в состоянии. У меня начинаются мигрень, усиленное сердцебиение и нервная почесуха.

Программирование — это образ жизни, причем очень специфический, так что если смотреть на вещи реально, то это тоже не мое. Можно, конечно, найти работу — после математического факультета возьмут в какую-нибудь фирму, но денег положат мало, а работать там нужно будет много. И ничего интересного.

Возможно, некоторые скажут, что не в моем положении выбирать. Дескать, из родителей у меня одна мама — бюджетная училка, да и то где-то далеко за Уралом, обеспеченный муж в ближайшем будущем не маячит, квартиры своей нету...

Все, конечно, так, но я решила все же пока подождать с окончательным решением и перебиваться на случайных работах.

Мужа одной девчонки с нашего курса послали на стажировку на год. Она страшно обрадовалась, уво-

лилась из опостылевшей школы и поехала с ним. А перед этим рекомендовала меня на свое место репетитора к паре-тройке учеников. Те приняли меня охотно — все же не с улицы пришедшая и не в Интернете найденная.

В итоге голодная смерть мне не грозила, потом появились еще ученики, так что я подумывала даже о том, чтобы снять квартиру для себя одной и зажить в относительной тишине, чистоте и покое.

И тут встретились мы с Ромой. Познакомил нас приятель. Оказалось, Рома учился тоже на математическом, только шестью годами раньше, оттого во время учебы я его не знала. А не заметить Рому было трудно — как я уже говорила, он весил почти сто килограммов, носил шерстяные клетчатые рубашки и имел буйные волосы до плеч.

В общем, на вечеринке мы разговорились, потом встретились пару раз в городе, после чего Рома и сделал мне предложение — не замуж, конечно, но жить с ним в одной квартире.

Потом-то я поняла, что ему просто лень было за мной долго ухаживать, да он понятия не имел, как это делается. В кино ходят только подростки, на рестораны у Ромы не было денег, не приглашать же девушку в «Макдоналдс» или во что-то похожее.

Слово «театр» в Ромином лексиконе принципиально отсутствует, равно как и слово «спорт». От громкой музыки у него может случиться несварение желудка, в музеи Рома не ходит, потому что от долгого хождения у него болят ноги (не забываем про сто килограммов) — короче, он выбрал самый простой вариант, и если бы я отказалась, он бы не слишком расстроился.

Но я не отказалась. И знаю, что было тому причиной (снова мамин оборот речи).

Дело в квартире. То есть не в том, что она у Ромы была своя. Родители оставили ему ее, а сами купили себе трехкомнатную в новом доме. То есть это, конечно, веская причина, но не она заставила меня поселиться у Ромы. Конечно, у меня с жильем и вообще никак, но, в конце концов, можно было поднапрячься, взять еще несколько учеников, чтобы оплачивать скромную однушку.

Все дело было в квартире. Именно в этой самой квартире. Располагалась она в центре, дом был старый и довольно запущенный. Не совсем, конечно, но это я поняла только потом. А когда Рома привел меня в первый раз, да еще в темноте, то дом я не разглядела. Вход в подъезд был со двора, но сначала нужно было пройти абсолютно темную подворотню, и были там ворота, которые по идее должны были закрываться на кодовый замок, но не закрывались. Посему пахло в подворотне соответственно, и я боялась наступить на продукты жизнедеятельности местных собак, а может, и людей. Обошлось.

В подъезде же было на удивление чисто. Стены покрашены бежевой краской, и под потолком висел хоть дешевый, но светильник, а не лампочка Ильича в жестяном наморднике. И был даже лифт — крошечная кабина, куда помещались два человека нормальной комплекции, а если Рома — то он один.

«Но это не важно, — сказал Рома, — лифт все равно никогда не работает».

Мы долго поднимались по лестнице, и после третьего этажа цивилизация закончилась.

Теперь окружающие стены были темные, с облупившейся штукатуркой, покрытые надписями и рисунками, как в пещере, где была стоянка доисторического человека. Только вместо охоты на мамонта там были неприличные слова.

Я особо не приглядывалась, потому что под ногами были выщербленные ступени, политые чем-то липким, и еще шмыгнул мимо кто-то серый, я понадеялась, что кошка.

Потом уже я выяснила, что когда-то давно в квартире на втором этаже жил один человек, который пытался сделать мир лучше. И начинать решил со своего подъезда. На первом этаже располагалась багетная мастерская, так что они отремонтировали низ за свой счет, остальные соседи денег на ремонт дать отказались. Активный жилец нашел понимание только у соседей сверху. Так и получилось: покрасили только три этажа, остальные остались как были. Тот жилец потом все-таки съехал, надорвав силы в бесконечной борьбе с ЖЭКом.

Квартира Ромы находилась на последнем, пятом, этаже, лампочки на площадке не было вовсе. В неверном свете телефона я увидела довольно солидную железную дверь. Рядом с дверью на стене располагалась надпись черной краской: «Пищик — козел!» И ниже, красным, аккуратными буквами: «Одобрю». И еще ниже, теперь зеленой краской, и по черк другой, размашистый: «Одобрю и поддерживаю».

И уж в самом низу, почти над полом, процарапана штукатурка чем-то острым: «Сами вы козлы!»

Фамилия Ромы была Пищиков, так что все ясно.

Как опять-таки выяснилось позже, дверь была единственная новая вещь в Роминой квартире, как видно, родители его решили не заморачиваться с ремонтом, раз все равно переехали.

Крошечная прихожая была жутко захламлена, и пахло от меня оттуда помойкой и нестираными мужскими носками.

Рома привычно шагнул вперед и включил свет.

— Ты... это... — тут он увидел выражение моего лица, которое я не смогла скрыть. — Извини, конечно, за беспорядок, но я уж привык так жить...

«Да, „привычка свыше нам дана...”» — процитировала я мысленно. Это снова мамино, она вечно цитирует классиков.

Но я ничего не ответила Роме. Потому что смотрела на лампу. Точнее, это была не лампа, а бра. Оно висело на стене, напротив двери над зеркалом. Зеркало самое обычное — простой прямоугольник без рамы, да еще и с трещиной посередине, неровно заклеенной скотчем. Но бра... два молочно-белых абажура в форме тюльпанов. Собственно, белыми они были когда-то, теперь же посерели от грязи. И два витых стебля потемневшего тускло-золотистого металла. Эти причудливо изогнутые лепестки... меня вдруг пронзило чувство, что я их уже видела. Дежавю...

Горела только одна часть, второй абажур был отбит. И бронзовая бомбошка выключателя отсутствовала, был просто обрывок шнура, обмотанный изолентой.

Я потрясла головой и наклонилась, чтобы найти тапочки. Но Рома протопал прямо в уличных ботин-